

ИНСТИТУТ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (1922—1928): В НАПРАВЛЕНИИ К РЕОРГАНИЗАЦИИ В БЕЛОРУССКУЮ АКАДЕМИЮ НАУК

(Продолжение. Начало в №5)

Александр Груша,
директор Центральной научной
библиотеки им. Я. Коласа НАН Беларуси,
доктор исторических наук, доцент

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ

Реорганизация Инбелкульта стала возможной благодаря финансовой поддержке. Так, если в 1925/1926 академическом году его бюджет составил 205 272 руб. (без учета дополнительных перечислений) [19, с. 25], в 1926/1927 г. – 292 968 [17, л. 35], то в 1927/1928 г. – фактически 358 682 руб. (без учета специальных средств; первоначально было выделено 384 693 руб.) [3, с. 15].

Эта поддержка позволила расширить состав штатных сотрудников Института: с 88 человек в 1926/1927 академическом году до 113 в 1927/1928 г. [14, с. 8].

3 ноября 1927 г. СНК БССР утвердил Президиум Инбелкульта в составе 14 человек во главе с Президентом В.М. Игнатовским, вице-президентом Н.И. Белугой и неизменным секретарем В.У. Ластовским [3, с. 3–4].

Еще раньше – к началу 1927/1928 академического года были организованы такие крупные научно-исследовательские структуры Института, как Отдел гуманитарных наук и Отдел природы и хозяйства [16, л. 18, 20; 3, с. 32, 80].

Преобразование не было осуществлено полностью. Организация части учреждений не была завершена, другие учреждения определены лишь в перспективе или организованы в самой первичной, «эмбриональной» форме [17, л. 35].

СУТЬ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Как следует полагать, одна из главнейших задач реформы 1927 г. заключалась в коренном переустройстве условий, принципов и методов организации научно-исследовательской работы.

Вот в чем само руководство Отдела природы и хозяйства видело суть преобразований. Раньше преобладала экспедиционная форма исследования (организация геологических, почвоведческих, ботанических, зоологических и других экспедиций), а результаты этих исследований обрабатывались почти исключительно временным штатом, «дзе здарылася»: в лабораториях высшей школы, опытных станций и разных правительственных учреждений. Это не давало гарантий быстроты и точности в той мере, чтобы исследователи спокойно могли принять ответственность за полученные результаты; данные результаты не могли быть значимыми. Вследствие преобразования Институт перешел от «системы широко развернутых научных обществ (секций)» к «системе исследовательских кафедр, лабораторий и институтов», «системе собственных стационарных учреждений с постоянным штатом». При этом стационарное учреждение подразумевает наличие «азначанай тэрыторыі», т.е. собственного помещения и собственного оборудования. Только в такое учреждение можно привлечь к постоянной работе уважаемых ученых, в нем можно вести подготовку аспирантов и выполнять исследовательскую работу.

Только такое учреждение может обеспечить проведение продолжительной работы, надлежащее хранение и использование результатов предыдущих исследований, внушить уверенность в завтрашнем дне, дать возможность сосредоточиться на работе, не отвлекаясь на организационные неувязки и бытовые неудобства [16, л. 20, 21, 107, 111–112, 117–118].

Другими словами, речь шла о создании таких структур, которые бы имели собственные площади и оборудование и были бы укомплектованы необходимым количеством штатных высококвалифицированных сотрудников. Обсуждался вопрос о постепенной ликвидации совместительства для исследователей и руководящих кадров [17, л. 36].

Факт постановки и решения этих вопросов имеет кардинальный характер и является важным индикатором, фиксирующим достижение Инбелкультом определенного этапа институциональной зрелости.

О появлении новых возможностей вследствие переустройства Института писало и руководство Отдела гуманитарных наук: «Уносячы яснасьць у структуру ўстаноў Аддзелу, гэтая рэарганізацыя адначасна выключыла стварэньне магчымага паралелізму ў працы паасобных устаноў і праз гэты спрыяе больш шырокай і глыбокай пастаноўцы навукова-дасьледчай працы Аддзелу» [16, л. 19].

СТРУКТУРА И НОВЫЕ ЗАБОТЫ ДНЯ

Перспективный план Института на 1928/1929–1932/1933 гг. дает наиболее связное и полное объяснение структуры реорганизованного Инбелкульта. Реформированные и новообразованные учреждения были объединены в два «основных» отдела: Гуманитарных наук и Природы и хозяйства, а также в два национальных сектора: Еврейский и Польский. Учреждения, которые должны были обслуживать все институты или имели с ними тесную связь – Центральное бюро краеведения (ЦБК), Библиографическая комиссия, Комиссия по изучению природных производственных сил Беларуси, Библиотека, типография, Военная комиссия, были подчинены непосредственно Президиуму Института. Учреждения, входившие в состав указанных отделов, были распределены по классам [17, л. 34]. «Организацыйная форма ўстаноў у клясах была прынята

наступная: катэдра, навукова-дасьледчы інстытут і таварыствы. Паказаныя ўстановы ўтварылі адпаведныя камісіі» [17, л. 34]. По замыслу Устава национальные секторы деятельности своих учреждений должны были увязываться с деятельностью отделов Гуманитарных наук и Природы и хозяйства [17, л. 34].

На протяжении 1927/1928 академического года в составе Отдела гуманитарных наук (председатель – С.М. Некрашевич) действовали следующие учреждения, объединенные в два класса – Филологии (пред. – С.М. Некрашевич) и Истории (пред. – А.Н. Ясинский):

- *Кафедра живого белорусского языка (заведующий – С.М. Некрашевич), включавшая Комиссию по составлению словаря живого белорусского языка (пред. – С.М. Некрашевич), Диалектологическую комиссию (пред. – П.А. Бузук), Комиссию литературного белорусского языка (пред. – С.М. Некрашевич) и Институт научного языка (директор – Я.Ю. Лесик);*
- *Кафедра истории белорусского языка (зав. – Н.Н. Дурнаво), включавшая Комиссию по составлению исторического словаря белорусского языка;*
- *Кафедра истории белорусской литературы (зав. – И.И. Замотин), включавшая Комиссию по изданию произведений белорусских писателей;*
- *Кафедра истории Беларуси (зав. – В.М. Игнатовский);*
- *Комиссия по изучению городов и «краін» Беларуси (пред. – В.Д. Дружчиц);*
- *Комиссия по изучению истории просвещения (пред. – А.И. Цвикевич);*
- *Кафедра истории белорусского права (зав. – В.И. Пичета);*
- *Археографическая комиссия (пред. – В.И. Пичета);*
- *Кафедра всеобщей истории (зав. – А.Н. Ясинский);*
- *Археологическая комиссия (и.о. зав. – научный секретарь А.Н. Левданский);*
- *Кафедра этнографии (зав. – В.У. Ластовский);*
- *Исследовательский институт по изучению искусства (дир. – Я.Л. Дыло), включавший следующие комиссии: Истории театра (пред. – Я.Л. Дыло), Народной музыки и Истории искусства (пред. – Н.Н. Щекотихин);*
- *Кафедра истории Литвы (зав. – С.Ю. Матулайтис; о структуре Отдела и его деятельности подробно см.: 3, с. 32–79).*

Отдел природы и хозяйства (пред. – А.А. Смолич) был разделен на два класса: Природы и Народного хозяйства. Он объединял следующие учреждения:

- *Белорусский геологический институт* (дир. – Н.Ф. Блюдоху);
- *Кафедра почвоведения* (зав. – Я.Н. Афанасьев);
- *Кафедра ботаники* (зав. – В.В. Адамов);
- *Зоологический музей Инбелкульта* (дир. – А.В. Федюшин; о Музее подробно см.: 9);
- *Кафедра географии* (зав. – А.А. Смолич);
- *Кафедра антропологии* (зав. – А.К. Лени);
- *Лаборатория экспериментальной биологии* (дир. – П.В. Тремпович; о Лаборатории см.: 6, с. 98–99);
- *Центральная химическая лаборатория* (и.о. зав. старший химик – В.Я. Вершук);
- *Комиссия по изучению промышленности* (пред. – В.К. Страковский);
- *Комиссия по изучению домашних ремесел* (пред. – Е.Г. Трохимов);
- *Комиссия по изучению кооперации* (пред. президиума – М.М. Новлянский);
- *Велико-Летчанский ботанический сад*;
- *Горы-Горецкое научное общество по изучению Беларуси* (пред. – И.А. Кисляков; о структуре Отдела и его деятельности подробно см.: 3, с. 79–111; *Сельскохозяйственная секция и Научное бюро по сельскохозяйственному опытному делу с их исследованиями были переданы в Белорусский научно-исследовательский институт сельского и лесного хозяйства им. В.И. Ленина, созданный в 1927 г.*: 16, л. 110; 2, с. 44; 11, с. 193; 1, с. 224; 8, с. 247).

Как уже говорилось, при Инбелкульте действовали Еврейский (зав. – Б.М. Оршанский) и Польский секторы (зав. – С.Л. Гельтман). Первый делился на Историческую, Социально-экономическую, Лингвистическую, Литературную и Фольклорную комиссии, второй – на Историческую, Комиссию языка и литературы и Этнографическую [3, с. 111–115].

Все эти подразделения не были многочисленными. В 1927/1928 академическом году Отдел природы и хозяйства состоял из 21 штатной единицы, целые части и доли которых делились между 28 научными работниками: 3 действительными членами Института, 6 директорами, 3 учеными специалистами, 12 научными сотрудниками, 4 аспирантами [3, с. 81]. К 1928/1929 академическому году Отдел гуманитарных наук имел

в своем штате 33 единицы [17, л. 41]. Половина кафедр и комиссий Класа истории данного отдела была представлена лишь одним штатным сотрудником – их руководителем. Часть сотрудников работала без оплаты труда.

В начале 1928/1929 академического года структура низовых учреждений Института была несколько модифицирована.

Новой в повседневной деятельности Инбелкульта стала практика подготовки планов работы на ближайшие годы, которая ранее была спорадической и касалась лишь отдельных учреждений. Сохранились планы отделов Гуманитарных наук [16, л. 86–106] и Природы и хозяйства [16, л. 107–118] на 1927/1928 академический год, план Отдела природы и хозяйства [18, л. 164–170] и Польского сектора [17, л. 246–247] на 1928/1929 академический год.

В рамках подготовки к первому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1928/1929–1932/1933 гг. Институт в 1928 г. составил перспективный план на эти годы [17, л. 34–240 и др.], куда вошли планы отделов Гуманитарных наук [17, л. 40–103], Природы и хозяйства [17, л. 104–190], Польского [17, л. 193–197], Еврейского [17, л. 205–216] секторов, ЦБК [17, л. 217–226], Библиографической комиссии [17, л. 227–229], Военной комиссии [17, л. 230–232] и Библиотеки [17, л. 233–240], издательский план [17, л. 191–192].

Высокий научно-аналитический уровень, обстоятельность и взвешенность положений этого плана свидетельствует о четком понимании Инбелкультом своих задач с точки зрения потребностей хозяйственного и культурного строительства страны, собственного опыта и компетенций, высокой меры ответственности перед страной и наукой, видения трудностей и способов их преодоления.

ЗАПРОСЫ ИНБЕЛКУЛЬТА

По мере усложнения задач, увеличения ответственности Института, роста требований к нему, повысились требования и запросы учреждения к республиканским и союзным властям относительно его денежного обеспечения и материальной базы в виду задач, связанных с «усиленными темпами роста» науки и культуры и необходимостью «накопления научного капитала» научными учреждениями Беларуси в условиях государственного строительства.

«...Беларусь у справе развіцця навуковага дасьледваньня вытворчых сіл асабліва моцна адстае ад усяго Саюзу ССР... У параўнаньні з усім Саюзам навукова-дасьледчая справа БССР у два разы горш фінансуецца адносна іншых галін дзяржаўнага будаўніцтва і ў чатыры разы горай адносна агуловае прдукцыі народнае гаспадаркі. Калі б мы мелі магчымасьць параўнаць асноўныя капіталы ў абсталяваньні, будынках і г.д., якімі распалагаюць навуковыя ўстановы перадавых раёнаў ССР з беларускімі, дык адсталасьць Беларусі была б выяўлена ў шмат разоў яскравей. Гэтае адставаньне асабліва робіцца недапушчальным у сучаснасьці, калі павінны быць узяты ўзмоцненыя тэмпы росту для навуковага і культурнага будаўніцтва ў адсталых раёнах з тым, каб яны маглі дагнаць перадавыя раёны. Навуковыя ўстановы Беларусі павінны мець мажлівасьць накапляць навуковыя капіталы, якіх яны ня мелі дагэтуль... Астаецца як адзіны мэтазгодны... выхад – будаўніцтва пастаянных мясцовых навуковых устаноў... [17, л. 105–106].

Инбелкульт, указав на не обоснованное распределение финансовых средств между разными регионами СССР, на неудовлетворенность существующим положением дел и даже его недопустимость, тем не менее самоотверженно заявил о готовности воспользоваться хотя бы позвольительным минимумом в плане комплектования персоналом и оснащения оборудованием, чтобы выполнять плановую работу и ставить новые научные задачи [17, л. 106].

ПРОБЛЕМЫ НА ПУТИ К ПРЕОБРАЗОВАНИЮ

Вряд ли можно согласиться с мнением исследователей, что реорганизация Инбелкульта 1927 г. фактически превратила его в Академию наук [13, с. 67]. Эта реорганизация была проведена, в частности, в ущерб выполнению издательского плана, плана по оснащению оборудованием, экспедиционных исследований, научных командировок [17, л. 35–36]. Более того, как уже говорилось, реформа не была полностью завершена.

Реализация плана о преобразовании Инбелкульта в академию наук вскрыла серьезные проблемы. Они коснулись в первую очередь работы Отдела природы и хозяйства, который в свете задач первого пятилетнего плана

СССР, направленных на превращение страны в индустриальную державу, становился ключевым. Эти проблемы были связаны с нехваткой сотрудников высокой квалификации, медленным темпом обеспечения оборудованием и недостатком помещений [16, л. 117–118].

Добавим к этому, что к 1928/1929 академическому году такие действующие учреждения отдела, как Фенологическая и Гельминтологическая комиссии не имели штатных единиц. Класс народного хозяйства, состоявший из 4 действующих кафедр, располагал лишь 4 штатными работниками, которые получали зарплату, равную половине оплаты от целой ставки [17, л. 107, 142, 154]. Как сказано в источнике: «Работа ўстаноў гэтае клясы ў пераважнай сваёй часьці падае на плечы пазаштатных працаўнікоў, якія працуюць без усякай аплаты» [17, л. 107].

НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Четвертый период деятельности Инбелкульта, начавшийся с середины 1926 г. (когда руководство БССР взяло курс на реорганизацию учреждения в белорусскую академию наук), был ключевым в его развитии. Между прочим, он позволил руководству Института обобщить полученные им результаты и опыт. Показательна самооценка Инбелкульта, данная в 1927 г. на основе этого обобщения. «Гэтыя дасягненьні, якія зроблены інстытутам за вельмі кароткі працяг часу, ставяць яго ў шэраг найбольш паважных навуковых устаноў Саюзу ССР. Дзейнасьць Інстытуту і ў гэтых галінах, як у галіне мовы, літаратуры і гісторыі зусім адпавядае сваім абсягам дзейнасьці перадавых сучасных Акадэміяў сьвету, якія не замыкаюцца ў вузкім коле г. зв. “чыстай навукі”, але па меры магчымасьці і патрэбы імкнучца абслугоўваць навуковыя наступ чалавечтва і ў галінах прыкладных ведаў, тэхнікі, мэдыцыны і гаспадаркі. Зразумела, што такі тып Акадэміі зьяўляецца найбольш патрэбным для соцыялістычнай дзяржавы, якая імкнецца ў сваім будаўніцтве скарыстаць усе дасягненьні навукі» [16, л. 110–111]. Это самооценка свидетельствует о серьезной степени внутренней готовности и настроенности Института к реорганизации. Но окончательное решение в этом вопросе должна была принять компартия.

Как уже отмечалась, правящая партия прилагала усилия в укреплении своих позиций в Инбел-

культе; но к началу 1927 г. она мало преуспела в этом плане [4, с. 51–52]. Ситуация не изменилась и год спустя. В докладной записке старшего инспектора А. Николаева заместителю наркома рабоче-крестьянской инспекции БССР Виленстовичу от 3 апреля 1928 г. о результатах проверки Института сообщалось, что в его штате довольно низкий процент партийцев – 10,2% (при этом сравнительно высокий процент выходцев из дворян, духовенства и интеллигенции) [7, с. 220, 222].

Правда, уже 8 октября 1927 г. в докладной записке ЦК КП(б)Б в ЦК ВКП(б) перспективы влияния компартии внутри будущей академии оценивались вполне оптимистически: «В Академическом Совете ИБК к будущему академическому году из 35 приблизительно членов будет 9 коммунистов: Игнатовский, Белуга, Оршанский, Кореневский, Гельтман, Жилунович, Матулайтис, Сосис, Кедров-Зихман. В президиуме из 7 членов будет 4 коммуниста: Игнатовский, Белуга, Оршанский и Гельтман. Наше влияние в ИБК отразилось на постановке нацработы. Мы имеем два сектора (еврейский и польский), латышскую комиссию, и в будущем академическом году будем иметь литовскую кафедру. Этим БАН значительно отличается от Академии наук СССР и Украины» [7, с. 198].

Между прочим, в этой докладной записке при оценке сугубо научных и институциональных достижений Инбелкульта за весь период его существования указывалось, что он стал высшим научно-исследовательским учреждением Беларуси, сгруппировавшим около себя до 300 человек ученых и культурников, в него были подобраны кадры «очень квалифицированных научных сил», создана типография, которая соответствовала «типу академических типографий», было издано 72 названия книг общим объемом 432 печатных листа, расширены и укреплены международные связи (которые выразились в установлении книгообмена с 55 научными учреждениями СССР и 20 научными учреждениями зарубежья, в контактах с 18 учреждениями СССР и 7 учреждениями за границы) [7, с. 198–199].

Вносилось предложение создать белорусскую академию наук в самое ближайшее время: «Что касается переименования ИБК в БАН, то Бюро ЦК КПБ считает необходимым произвести это переименование в связи с празднованием десятилетия Октябрьской Революции. Этот момент политически является очень подходящим для переименования. С одной стороны этот факт будет

говорить об одном из наших достижений, с другой стороны он свяжет БАН с именем Октября» [7, с. 197–198]. Но вопрос о переименовании Инбелкульта в Белорусскую академию наук на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 27 октября 1927 г. был отложен [7, с. 201; 14, с. 8–9; 15, с. 65].

Ясность в вопрос о том, почему и в 1927 г. не произошло преобразование Инбелкульта, может вносить его перспективный план на 1928/1929–1932/1933 гг. [17, л. 34–240 и др.]. В нем дана критическая оценка состояния учреждения: на 1928 г. Инбелкульт не имел достаточного бюджетного финансирования [17, л. 35–36], ставки оплаты труда были низкими [17, л. 36, 108], не хватало высококвалифицированных научных кадров [17, л. 36], отсутствовали первичные условия для развития науки (не было помещений [17, л. 38], крупных библиотек, архивов и т.д.) [17, л. 36], сохранялся низкий уровень подготовки научных кадров [17, л. 36, 37], учреждение было плохо оснащено оборудованием [17, л. 37].

И тем не менее реорганизация Инбелкульта в Белорусскую академию наук состоялась в 1928 г. Сложно судить, чем было мотивировано это решение в связи с данными о непростою состоянии учреждения. Очевидно, решающую роль в его принятии сыграли одновременно инерция прежних импульсов и стимулов к реорганизации, внутренняя готовность и настроенность к ней Института, настойчивость белорусских властей, особенно партийных, которые находили положение и состояние Инбелкульта вполне приемлемыми для решения важных политических задач – демонстрации достижений компартии и советской власти и усиления влияния в Западной Беларуси.

ХРОНОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Хронология юридического оформления Белорусской академии наук и ее открытия такова. 4 октября 1928 г. Бюро ЦК КП(б)Б решает поставить в ЦК ВКП(б) вопрос о переименовании Инбелкульта в Академию наук «ко времени празднования десятилетия существования БССР – в декабре месяце 1928 года» [7, с. 242, 243]; 8 октября Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение об удовлетворении этой просьбы [7, с. 243]; 12 октября Бюро ЦК КП(б)Б поручает составить проект постановления о переименовании

Института в Академию наук [7, с. 245]; 13 октября Бюро ЦК КП(б)

Б одобряет проект постановления ЦИК и СНК БССР [12, с. 29]; 26 декабря СНК БССР утверждает устав Белорусской академии наук и первый состав ее действительных членов [10, с. 11–12];

1 января 1929 г., в день 10-летнего юбилея БССР, происходит торжественное открытие Белорусской академии наук [5, с. 16; 13, с. 68–69; 12, с. 29–30; 14, с. 10; 15, с. 65–68; 6, с. 30, 32].

За 7 лет работы Инбелкульт, возникший в благоприятной среде одного из эпицентров социальных и национально-культурных сдвигов, развития культуры и науки, смог преодолеть стратегическую дистанцию. Он прошел путь от фактически лаборатории по созданию литературного белорусского языка к комплексному научному учреждению, центру притяжения научных сил и идей; от сосредоточия, движимого высоким воодушевлением и энтузиазмом его сотрудников, к значимому политическому проекту властей; от прак-

тики совмещения научной деятельности с другой работой к пониманию необходимости создания условий для полноценного занятия наукой. На этом пути консолидации научных сил, генерирования национально-культурного и политического капитала в условиях созидательного порыва Инбелкульт глубоко и прочно интегрировался в систему государственных и национальных институтов. Он заложил фундамент для Белорусской академии наук и передал ей тот заряд, потенциал и ориентиры, которые позволили академии в дальнейшем утвердить свое безоговорочное главенство в белорусской науке.

С образованием на базе Инбелкульт белорусской академии завершился этап становления национальной науки. Этот этап, отбив в себе время, поиски и ожидания национально ориентированной интеллигенции, создал новую реальность – большую сплоченную высоко мотивированную группу ученых и деятелей культуры, вооруженных знаниями о Беларуси, вынашивавших далеко идущие замыслы и планы обустройства страны с помощью науки. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беляцкі Д.П., Зубрыцкі М.К., Ялейнікова В.С. Медыцына // Інстытут беларускай культуры / Рэдкал.: М.А. Барысевіч (старш.) [і інш.]. – Мінск, 1993. С. 207–224.
2. Бюлетэнь, 1926–1927. №1 / Інстытут беларускае культуры. – Менск, 1927.
3. Бюлетэнь, 1927–1928. №2 / Інстытут беларускае культуры. – Менск, 1928.
4. А. Груша. Інстытут беларускай культуры (1922–1928): в направлении к реорганизации в Белорусскую академию наук // Наука и инновации. 2022. №5. С. 50–56.
5. У. Ігнатоўскі. Ад Беларускай тэрмінолагічнай камісіі да Беларускай акадэміі навук // Наш Край. 1928. №12. С. 6–17.
6. Інстытут беларускай культуры. 1922–1928 гг. / У.Р. Гусакоў [і інш.]. – Мінск, 2022.
7. Інстытут беларускай культуры. 1922–1928. Дакументы і матэрыялы / Укл.: В.У. Скалабан, М.У. Токараў. – Мінск, 2011.
8. Крыварот А.А. Дзейнасць вышэйшых дзяржаўных органаў БССР па разгортванні навуковых структур у 1924 – пачатку 1927 г. (па архіўных матэрыялах) // Інстытут беларускай культуры і становленне науки в Беларусі: к 90-летию создания Института белорусской культуры: материалы Межд. науч. конф., Минск, 8–9 декабря 2011 г. / Редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск, 2012. С. 242–249.
9. А. Максимчик. Малоизвестный сюжет curriculum vitae Инбелкульт // Наука и инновации. 2022. №1. С. 24–30.
10. Научно-организационные связи Академии наук СССР и Академии наук БССР: 1929–1941 гг.: сборник документов / Сост.: Л.Д. Бондарь, Н.В. Токарев, К.Г. Шишкина. – Минск, 2015.
11. Парфёнаў В.І., Курскоў А.М., Насевіч Л.І. Біялагічныя і сельскагаспадарчыя навукі // Інстытут беларускай культуры / Рэдкал.: М.А. Барысевіч (старш.) [і інш.]. – Мінск, 1993. С. 188–206.
12. Петрыкаў П.Ц., Токараў М.У., Галенчык М.І. Стварэнне і дзейнасць Інстытута беларускай культуры // Інстытут беларускай культуры / Рэдкал.: М.А. Барысевіч (старш.) [і інш.]. – Мінск, 1993. С. 6–32.
13. П.Ц. Петрыкаў. Інстытуту беларускай культуры – 70 гадоў // Весці Акадэміі навук Беларусі. Сер. грамадскіх навук. 1992. №5–6. С. 52–70.
14. Скалабан В.У., Токараў М.У. Прадмова // Інстытут беларускай культуры. 1922–1928. Дакументы і матэрыялы / Укл.: В.У. Скалабан, М.У. Токараў. – Мінск, 2011. С. 3–14.
15. Токараў М.У. Ад Інстытута беларускай культуры да Акадэміі навук // Інстытут беларускай культуры і становленне науки в Беларусі: к 90-летию создания Института белорусской культуры: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 8–9 декабря 2011 г. / Редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск, 2012. С. 61–68.
16. Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАН Беларусі). Ф. 67 (Акадэмія навук БССР. Інстытут беларускай культуры). Оп. 1. Ед. хр. 23 (Проекты постановлений Н.К. БССР по докладу ИБК. Отчет о работе ИБК).
17. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Оп. 1. Ед. хр. 33 (Планы работ за 1927–28).
18. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Оп. 1. Ед. хр. 36 (Планы, сметы и другая переписка).
19. Цьвікевіч А.І. Інстытут беларускае культуры (Инбелкульт). Гісторыя ўзнікнення. Сучасная структура. Навукова-даследчая дзейнасць. – Менск, 1926.